

Господь является только во зле. Добра-то народ не видит. Как же идти за Господом, если он прозрачен, словно ветер в поле? За тучами иди, в мороке грозы, куда молнии укажут. Если надо спасти людей от гибели, добрый Господь надевает одежды зла. Ибо Гневный Ангел уже опрокинул свою чашу, и время вытекло до капли: исчисление лет подходит к итогу.

В подвальной каморе дворца монах читал о Конце Света. Огромная, разбухшая книга лежала на костлявых коленях. На страницах, захватанных грязными пальцами, из-под пятен вылезали алые и золотые кружева богатых рисунков и цветущих буквиц.

— И я услышал одно из четырёх животных, говорящее громовым голосом: иди и смотри! Я взглянул, и вот конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец...

Монах сидел на скамейке, близоруко сгибаясь над листом. Потрескивала сосновая лучина, зажата в клюве железного светца. Промасленный холст, затягивающий маленькое окошко, дрожал под толчками позёмки, что мела на дворе.

— И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дан большой меч...

Драная ряса монаха была закапана воском. Книга прикрывала прорехи, протёртые коленями на долгих истовых молебнах.

— И вот конь вороной, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей...

По стенам полутёмной каморы громоздился всякий дворцовый хлам. Углы толсто заросли изморозью. Плахи близкого потолка, будто седой щетиной, обметало инеем, по которому вслед за пляской огонька на острие лучины волнами пробегало мерцание. Дверь каморы монах подпёр большой лавкой, чтобы никто не вошёл.

— И вот конь блед, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следует за ним...

Лучина догорела, но монах ещё подслеповато щурился на страницу и беззвучно шевелил губами, пытаясь разобрать строки. Нет, света не хватало даже на то, что помнилось почти дословно. Монах перевалил книгу на скамейку и встал, сразу оказавшись вровень с окошком. Обломанные ногти монаха, как звериные когти, легко вспороли холстину окна. Монах с треском содрал её с косяка, и в лицо монаху тотчас ударил порыв снежного ветра.

Монах молча смотрел на двор. Хлопья снега летели по низкой каморе, оседали на раскрытых страницах и таяли на раскалённых словах Иоанна Богослова.

Окошко каморы приходилось вровень с деревянной мостовой теремного двора. Во мгле, в клубах позёмки по мостовой грузно ступали огромные, страшные копыта — какие-то ржавые, словно в крови. То ли с кремлёвской иордани приехал водовоз, то ли с московского промысла вернулся сатана.

1565 год. Московская Русь. Держава содрогается.

Затяжная Ливонская война отнимает все силы. Польский король Сигизмунд, по-русски Жигимонт, разбивает московские полки один за другим. Интригует богатое боярство Новгорода. Вокруг царя Ивана Грозного вызревают измены и заговоры.

Ломая уклад жизни, царь Иван учреждает опричнину — орден охраны престола. Террор заливает Москву кровью. В ответ на зверства опричников уходит в монастырь митрополит — глава православной церкви. И Грозный в одиночку упрямо ведёт свой народ к возмездию и покаянию.

Потому что по старинному летоисчислению всего три года остаётся до Конца Света. И где-то по русской земле уже шагает Мессия, а на небосводе движение солнца отмеряет Божьему миру последние дни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Владыка

ГЛАВА 1

Рыба

Против света Петьке показалось, что в птичник вошёл хозяин. Но хозяин вдруг обернулся огромным лисом, схватил Петьку за ногу, сдёрнул с насеста и швырнул сквозь двери в небо. Петька захлопал крыльями, роняя перья, чтобы удержаться в жидком зимнем воздухе. Мелькнули сизые, провисшие облака, тупые острия знакомого тына, множество людских шапок и конских грив — и вдруг всё это прокрутилось колесом. Сверкающая плоскость сабли отсекла Петьку от себя самого, и глаза петуха увидели собственное обезглавленное тело. Оно упало в растоптанный сугроб и поползло, загребая крыльями и дёргая пышным, чёрно-красно-радужным хвостом.

Опричник в лисьем малахае швырял кур из дверей курятника, а Митька Плещеев рубил их на лету пополам. Большое подворье князя Курбатова заволакивало дымом — это с разных концов зажигали княжеское сельцо. Когда князь — вор, то его место на дыбе, а всё добро князя — и хоромы, и скот, и смердов — под нож или в огонь. Если, конечно, себе ничего не согодится.

Дворовые мужики и бабы князя Курбатова, порубленные и поколотые опричниками, валялись на снегу

вперемешку с пятнистыми коровами. Кто-то недобитый ещё ворочался, словно пытался выбраться из гибели, как из болотины. Пух от вспоротых перин мешался со снежной пылью, поднятой конями опричников.

Генрих Штаден, царский опричный немец, ловко спрыгнул с седла, наклонился и потянул из пальцев мёртвого мальчонки деревянную игрушку. Она состояла из двух плашек, скреплённых рычажками. Сверху ловко и умело были вырезаны кузнец и медведь — оба с молотками. Штаден подвигал плашки — и кузнец с медведем по очереди застучали молотками по наковальне. Штаден засмеялся простоте и остроумию этой забавы. Русские, конечно, варвары, но бывает в них что-то такое, отчего можно только ахнуть в восхищении.

По гульбищу княжеского дома мимо выбитых окошек с сорванными ставнями молодой и дюжий Федька Басманов тащил найденную в подклети девчонку. Девчонка визжала и билась. Конечно, она ещё недоросток, — ничего, повзрослеет в постели. Зря, что ли, в такую даль из Москвы гоняли?

Федька навалил пленницу себе на плечо головой назад и держал обеими ладонями за задницу — чтобы сразу и пощупать добычу. Коса девчонки подметала половицы гульбища. Девчонка извивалась и колотилась, махала руками и заголившимися ногами. Федька только охал от ударов кулачками по спине и от пинков острыми коленками в грудь — будто в бане от хлёсткого веника.

— Дура! — с хохотом рывкнул Федька и движением плеч шмякнул девчонку о бревенчатую стену, чтобы оглушить. — Чего орёшь? Прокормлю же, одену!..

Федька перехватил девчонку левой рукой за ляжки, а правой рукой стал хвататься за перила и столбики кровли крыльца, боком спускаясь по лесенке.

— Федька! — позвал Басманова Штаден и показал игрушку. — Это есть что у вас? Э-э... игралка?

В распахнутые ворота усадьбы на коне въехал озабоченный Малюта Скуратов. Он развернул коня, остановился и хмуро оглядел суету во дворе.

— Ну что, нашли князя? — громко спросил он.

— Ищем, Григорий Лукьяныч! — весело закричал с крыльца Федька.

— Вижу, чего ты ищешь! — буркнул Малюта. Не будь Федька сыном друга, велел бы ему всыпать плетей за сластолюбие. Не за этим государь набирал опричнину.

В углу подворья, заслонённый крыльцом, прятался голбец погреба. Распахнув дверку голбца, из погреба по поясу вылез наружу раскрасневшийся пожилой Алексей Басманов — отец Федьки.

— Федька! — заорал он. — Ну-ка живо батьке помоги!

Увидев Малюту, Басманов-старший кивнул в глубину погреба:

— Здесь князь, Малюта. Не дрожи.

Федька уже сошёл с лестницы и с сожалением скинул девчонку под ноги Штадену.

— Вот тебе игралка, Гришка, — вздохнул он и побежал к погребу.

Зарёванная, растрёпанная девчонка поднялась в снегу на карачки, оглядываясь и поскуливая, как избитая собака. Лесенка крыльца была пуста. Девчонка на четвереньках

ринулась к ней, и Штаден заступил беглянке дорогу. Он хотел поиграть с варваркой, как с кошкой.

— Ап! — шутливо воскликнул он.

Девчонка ткнулась в другую сторону, и Штаден сделал шаг вбок.

— Ап! — он торжествовал.

Девчонка посмотрела на Штадена снизу вверх раскосыми, обезумевшими глазами. Её мокрое лицо было облеплено снегом, она тупо слизывала снег с кровоточащих губ. Ей было лет тринадцать — на переломе от отрочества к юности. Она ничего не понимала. Ворвались люди, башку зарубили, матушку зарубили, надо бежать!..

Осев боком, девчонка обвела глазами подворье: мертвецов, коровьи туши, конных опричников и Малюту Скуратова.

— Нихт коммен! — улыбаясь, сказал девчонке Штаден.

Девчонка наклонила голову — и вдруг вскочила, помчалась по двору к Малюте и, согнувшись, опрометью нырнула под брюхо его коня. Малюта от неожиданности даже поджал ноги. Девчонка вылетела за ворота.

— О-ла-ла! Быстро! Быстро! Уть! — кричал ей вслед Штаден, топал ногами, изображая погоню, хлопал в ладоши и хохотал до слёз.

Малюта рассердился и двинул было коня на Штадена, но из погреба спиной вперёд полез Федька Басманов. Ругаясь, он вытаскивал упирающегося боярина — толстого, старого, насмерть перепуганного князя Курбатова. Сзади Курбатова выпихивал наверх Алексей Басманов.

Курбатов без сил повалился на снег, но оба Басманова схватили его за шубу на плечах и волоком потянули к Малюте.

Курбатов вывернулся из рукавов шубы, упал на колени и схватился за сапог Малюты.

— Помилуй, Григорий Лукьяныч! — страстно твердил он, оглаживая сапог, словно просил любви от красавицы.

— Боров сучий, — сказал сзади Алексей Басманов, вытирая о живот окровавленную ладонь. — Кусается, как баба.

Из-за поисков этого князя Басманов-старший потерял время, и теперь всё ценное уже растащили или попортили.

— Я тебе не поп, чтобы миловать, — равнодушно ответил Малюта Курбатову и поглядел на Басманова: — Лёшка, кидай хрыча в сани.

Федька Басманов вертел головой — озираясь, отыскивая девчонку. Штаден, встретившись с Федькой взглядом, бессильно развёл руками и послал небу воздушный поцелуй.

Федька яростно втянул воздух сквозь стиснутые зубы, повернулся и со всей силы пнул князя Курбатова в бок.

— Курва ты, князь! — с ненавистью выдохнул он. — Где моя девка?!

А она уже бежала сквозь густой перелесок — босиком по снегу, без платка, без цели. Голые ветки царапали руки и лицо. Она падала, заплетаясь в смёрзшихся кустах, но вставала и бежала дальше. Она то ли рыдала, то ли смеялась и ещё пыталась что-то говорить, будто у неё был собеседник, но задыхалась и замолкала.

Она выбежала на просеку, на пустую санную дорогу, накатанную полозьями, как стекло. В сумрачном небе над дорогой на месте солнца протаивала бледно-жёлтая полынья.

Задышавшись, девчонка опустилась на дорогу, а потом и вовсе легла ничком. Она закрыла глаза и прижала к лицу ладони, согреваясь теплом собственного дыхания. Но этого тепла не хватило бы даже на то, чтобы обогреть бабочку.

Что делать дальше? А ничего. Назад нельзя — там страшные опричники, там убитые родители, там горящий дом. Нельзя даже думать о том, что позади. И вперёд — некуда. Лес. Пускай тогда придёт Богородица и спасёт. Она же добрая...

Девчонка умерла бы на этой лесной дороге. Но вдруг большие руки в меховых варежках-шубенках подняли её и куда-то понесли.

На дороге стоял длинный купеческий обоз. Морды лошадей обросли сосульками. Широкие сани были плотно укрыты рогожей. С саней слезали возчики в толстых тулупах, обдирали с бород изморозь и разминали застывшие ноги.

— Похоже, девчонка из той деревни, где мы крошечников видели, — сказал купец, который нёс девчонку. У купца у самого была дочка тех же лет.

Возле ближних саней монах в зипуне, надетом поверх расы, загнул на сторону край рогожи.

— Давай её в мои сани, Данилыч, — сказал монах купцу. — На мешках-то лучше, чем на рыбе.

Купец подошёл и осторожно положил девчонку на мешки монаха. Монах выдернул из-под поклажи какое-то тряпье, укутал девчонку потеплее и перекрестил.

— Вот чего они творят, игумен, — опасливо сказал купец монаху.

— Данилыч, опричные! — тревожно закричали с конца обоза.

Купцы побежали к лошадям, чтобы отодвинуть свои сани с проезжего пути. Вдали послышался глухой топот и звяканье железа.

Опричники скакали как бояре — уверенные, что им любой уступит дорогу. Впереди нёсся Малюта Скуратов. Он угрюмо хмурился своим мыслям и не глядел по сторонам. Обозники один за другим постаскивали с голов тревохи и склонились перед всадниками.

Не поклонился только монах. Он видел опричников впервые и не знал, что опричные давно уже главнее бояре. Монах стоял возле своих саней и с интересом разглядывал всадников. Конечно, страшные собачьи головы и мётлы у сёдел... Но не было в опричниках ничего бесовского. Сытые, мордатые мужики и парни в цветных кафтанах и собольих шапках. Спины как печи. Здоровые зады еле вбиты в крутые татарские сёдла. Сабли оттопырены тугими ляжками.

Между всадниками на постромах болтались по дороге несколько лёгких санок, заваленных тюками. На одних санках лежал князь Курбатов — связанный, с непокрытой головой. Лицо его от побоев было пятнисто-сизым, а глаза превратились в щели.

Курбатов на обозников и не посмотрел, одеревеневший от побоев и предчувствий, как идол. А опричники, пролетая

мимо обоза, не смогли не позабавиться. Кто-то лихо полоснул обозника плетью, кто-то ловко и точно харкнул на рогожу. По головам и плечам склонившихся обозников колотили комья снега из-под копыт опричных скакунов.

Почти все опричники, не сбавляя хода, промчались мимо, но четверо последних придержали коней. Это Басманов-старший решил проверить, не наверстает ли он здесь тот убыток, что причинили ему поиски князя Курбатова. Федька остановился вслед за отцом, а Штаден и Плещеев — вслед за Федькой.

Толкнув разгорячённым конём купца Данилыча, Плещеев спросил:

— Кто такие?

— Торговые люди с Новгорода, боярин, — отворачиваясь от конской морды, сдержанно ответил Данилыч, не желая злить кромешника.

— Ну что, изменники, — грузно слезая с коня, по-деловому спросил Алексей Басманов, — сукна фряжские есть?

— Рыбу мороженую везём, — сухо ответил Данилыч и надел треух.

Басманов молча пошагал к ближайшим саям. Разве можно верить новгородцам? Да и рыба их — тоже хороший улов.

Штаден спрыгнул с коня и подошёл к Данилычу. Басманов задрал на саях рогожу. Под рогожей была навалена смёрзшаяся нельма. Басманов взялся за рыбий хвост и рванул на себя.

Данилыч дёрнулся было к своему товару, но Штаден цепко держал Данилыча за отворот тулупа. Штадену всё было интересно.

— Кунитца? Да? — спросил он, выгибая отворот мехом наружу. — Или морской выдра?

Алексей Басманов с треском оторвал рыбину от кучи и бросил сыну. Но Федька с седла не поймал добычу — только впустую хлопнул ладонями. Рыбина улетела в сугроб.

— Крепче держи, дурень! — рыкнул Басмановстарший. — Вечером мать пирог испечёт.

Он отодрал вторую нельму, и теперь Федька её поймал.

Алексей Басманов усталой развалкой пошёл к другим саням — саням монаха — и сдёрнул рогожу.

Под рогожей и под тряпьем лежала девчонка, подобрачная на дороге. Девчонка ещё не очнулась и лежала как мёртвая.

Федька Басманов увидел её с высоты седла и привстал на стременах.

— Вот, батя, и моя рыбка! — радостно крикнул он.

Но монах спокойно и уверенно отодвинул Басмановатца и обратно закинул девчонку рогожей. Монах не боялся опричных, потому что не знал их, а против воров у него были крепкие кулаки.

— Это мои сани, боярин, — твёрдо пояснил монах. — Брать здесь нечего.

Алексей Басманов, опустив руки, глядел на дерзкого инока тяжело и оценивающе. Монах был не молод и не стар — ровесник Басманову. Лицо его было вытесано грубо и сильно — словно топором. Лоб и скулы темнели северным загаром.

Федька проворно соскочил с коня и поспешил к отцу. Он на ходу стаскивал рукавицы и засовывал их за пояс.

Если придётся бить монаха, то голой рукой удобнее хватать за бороду. А ради свежей девки Федька схватился бы даже с царским стольником.

Купец Данилыч выдернулся из рук Штадена и тоже устремился к монаху. Этого инока нельзя было отдавать опричным — купец помнил, что за человек этот чернец. Но конный Митька Плещеев вытянул ногу и сапогом перегородил Данилычу путь.

— А ты, вообще, кто? — задиристо спросил монаха Федька Басманов.

— Он Филипп, игумен Соловецкий! — издалика крикнул Данилыч. — Его сам государь к себе призвал!

Плещеев наклонился, снял с головы Данилыча треух и вывернул его наизнанку, рассматривая швы и подкладку.

Федька встал за спиной отца и прошептал отцу у уха:

— Батя, я тебе точно говорю — моя это девка. Которая от Гришки Штадена сбежала! — Федька повернулся к Штадену и замахал рукой: — Гриша, поди сюда!

— Ты не вшивый? — спросил Плещеев у Данилыча.

Алексей Басманов смерил Филиппа взглядом с головы до ног. Он знал, что царь Иоанн вызвал в Москву из далёкой Соловецкой обители тамошнего игумена Колычева. Но не таким Басманов представлял себе царского друга. Слишком уж мужиковат.

— Слышал я про тебя от государя... — нехотя сказал Басманов.

Филипп молчал. Басманов вздохнул и снял шапку.

— Благослови, отче, — смиренно попросил он.

Филипп уже нутром почуял смертоносную свободу этих молодцев. Он угрюмо обвёл опричников взглядом

и без слов перекрестил всех разом. Басманов поклонился, надел шапку и подтолкнул сына к коню:

— Всё, поехали Малюту догонять.

Федька шумно вздохнул с досады, по-мальчишески скорчил Филиппу рожу и поплёлся к своему коню вслед за отцом.

Митька Плещеев от удивления приоткрыл рот. Купец Данилыч ловко выхватил свой треух из рук Плещеева.

Басмановы и Штаден влезли в сёдла и тронули коней. Плещеев тоже ударил коня пятками. Опричники с места влёт помчались за своим отрядом.

Филипп смотрел им в спины — на тучу снежной пыли. И все обозники смотрели вслед всадникам. И купец Данилыч тоже смотрел. Он обеими руками победно напятил на голову треух и для верности гордо прихлопнул его ладонью.

ГЛАВА 2

Москва

Вдоль по валу Земляного города Москвы торчал частокол с глухими шатровыми башнями. На башнях сидели стрельцы и протяжно перекликались в ночной темени, будто перебирали Русь: «Москва — стольный град!», «Владимир!..», «Ростов!..», «Вологда!..», «Смоленск!..»

Двойная проезжая башня на ночь закрывала окованные железом ворота. Кто не успел пройти до удара треснувшего колокола, тот до рассвета сидел перед башней. Новгородский обоз — не успел.

Перед башней раскинулся большой табор с кострами, и новгородцы пристроились с краешка. В темноте и в свете костров не разобрать было, что нагородили в таборе — какие-то палатки, шалаши, занесённые снегом строения. Всюду ходили люди и топтались у коновязей лошади. Сновали продавцы дров с вязанками и лоточники с остывшими пирогами.

Новгородцы завалились спать по своим саням, а Филипп и Данилыч грелись на чурбаках у огня. Рядом с Филиппом в коконе из шуб сидела спасённая девчонка. Глаза её сухо и неподвижно горели отражением пламени.

— Как звать тебя, дочка? — негромко спросил Филипп словно бы невзначай, чтобы не спугнуть.

Девчонка не ответила и не шевельнулась. Таким же сплошным светом сияла в небе луна, а под луной — два голубых снежных шатра чёрной проезжей башни.

— Ты нас не бойся, — сказал Филипп, пошевелил в углах палочкой и указал этой палочкой на Данилыча: — Это — купцы из Новгорода. А я — отче Филипп.

Невдалеке, еле освещённые, на виселице висели два растрёпанных мертвеца. Под ними в ворохе тулупов храпел стражник.

— Тронулась она умом, отче, — печально сказал Данилыч.

— Ты погляди вокруг, отпусти душу, — Филипп не умел утешать и говорил нескладно. — Вон кони, любишь коней? Вон татары...

Рядом с башней татары разбили свой стан с юртами и кибитками. Татарские бабы в штанах, в халатах и с покрывалами на головах что-то варили на большом костре сразу в нескольких казанах. Расстелив на снегу ковёр, татарские мужики сидели, скрестив ноги, и смотрели, как один татарин гоняет вокруг себя коня. Конь был привязан на длинную верёвку. Полуголый, смуглый, весёлый татарин издалека щёлкал кнутом, и чёрный конь летел в отсветах огня, как демон.

— Вон Москва... — беспомощно продолжал Филипп, будто говорил с маленькой девочкой. — Небо, звёздочки, а за ними Господь наш...

Горящие глаза девчонки вдруг вздрогнули.

— Ма... — через силу прошептала девчонка. — Ма... ша... меня.

— Вот и хорошо! — обрадовался Филипп. — Машенька!.. Ты не молчи. Поговори со мной.

Но Маша снова молчала. Филипп ничего не мог придумать.

— Лучше поплачь, дочка, — сдавшись своему бессилию, попросил он и чуть приобнял Машу. — Горе, конечно... Но хуже-то уже не будет... А я тебя к добрым людям пристрою.

— Я мальчонкой был, у меня матери на глазах умерла, — через костёр в утешение девчонке прокричал Данилыч. — А тятки я и не помню. Сам у деда Селивана вырос... Оклемаешься, Машка.

— Ты молись, Машенька, — сказал Филипп. Не находилось у него других советов. — Господь помилует. Легче будет.

Филипп чуть встряхнул Машу, словно хотел расколдовать, расшевелить. Маша покачнулась, как кукла.

— Моя матушка жива, — голосом старушки-богomoлицы сказала она. — Богородица моя матушка.

Филипп прижал Машу к себе и задвигал бровями, размышляя. Девчонка спятила. Мудрено ли от такого ужаса? Но ведь Христу блаженные ещё дороже.

— Молись, молись, дочка, — убеждённо сказал Филипп. — Господь не оставит.

Багрянец рассвета на каждом шатре проезжей башни облизал по одной грани. За частоколом в тёмно-синем небе высоко стояли белёсые столбы дымов, розовеющие с восточной стороны.

Перед закрытыми воротами башни с ноги на ногу переминалась толпа, сикось-накось сгрудились сани, качали головами замёрзшие лошади, укрытые дерюжными и соломёнными попонами.

— Долго ещё морозить будут, иуды? — гудело в толпе. — Видать, с перепоя проснуться не могут... Околеешь тут! Коней застудим! Всю ночь смотрели, как мы пляшем, да с нас же и деньги дерут!

Филипп и Маша сидели в санях под одной шубой. Возница на передке саней нахохлился, задрал воротник, и дремал.

— Не застыла? — заботливо спросил Филипп у Маши, как у больной.

Маша не ответила. Она тупо смотрела перед собой, а щёки у неё были пунцовые.

— Потерпи... Скоро до подворья доберёмся, — пообещал Филипп.

Наконец брякнул колокол. Толпа оживилась, загомонил. Те, кто топтался и грелся на ногах, полезли по своим саням. Ворота башни заскрипели и начали отворяться, отгребая снег. Из проёма башни вышли стрельцы с бердышами и отступили вбок, давая дорогу.

Толпа потекла сквозь башню. Караульщики собирали деньги.

К старшему из них протолкался Данилыч, развязал матерчатый кошель и ссыпал заранее приготовленные монеты в подставленную ладонь стрельца. Держа рукавицы под мышкой, стрелец на ладони пальцем пересчитал монеты и зажал их в кулак.

— Новое правило, — усмехнулся он, — с новгородских — второе.

— Обдиралище! — охнул Данилыч. — Какого беса?!

— А изменники вы все, — пояснил стрелец, спуская деньги в рукавицу. Чего сочувствовать купцу, когда можно быть равнодушным?

— Ты Жигимонту своему пожалуйста, — злорадно до-
бавил другой стрелец, стоявший рядом. — Он тебе допла-
тит.

Данилыч в тоске обеими руками схватился за шапку.

Филипп толкнул возницу в спину:

— Трогай, Егорыч.

Сани Филиппа в общем потоке поехали к башне. Ремесленные слободки Москвы напоззали одна на другую. Улица, по которой ехали сани Филиппа, вертелась между слободками, как собака между торговцев блинами. Филипп крутил головой.

Литейная слобода встречала свежими пушками, что лежали и остывали в растаявшем снегу. Над литейными избами из кирпичных труб печей-домниц валил дым. Во дворах стояли короба с углём и рудой. Филипп увидел, что в одном дворе на козлах вытянулся орудийный ствол, а рядом на коленях стоит мастер и простукивает ствол деревянным молотком, сдвинув с уха шапку набок.

Филипп не выдержал.

— Ох ты, батюшки! — по-мальчишески застонал он и виновато глянул на Машу: — Прости, Машенька, не могу!..

Филипп торопливо выбрался из саней и поспешил к мастеру.

— На раковины простукиваешь? — спросил он. — Чей состав у бронзы? Свейский или фряжский?

— Свейский плотнее будет, — неохотно ответил мастер.

— А изложницы в сырую землю закапываешь или в сухую?

— Какая есть, — буркнул мастер. — Но в сухую лучше.

— Уголь толчёте? — не унимался Филипп. — По долям как?

— Толчём. Три доли берёзовый и одна — еловый. Берёзовый медный сок забирает, а еловый от нагара, — мастер внимательно взгляделся в Филиппа. — А ты кто? Литейный, что ли?

— Пока не литейный, — смутился Филипп. — Умом знаю, а руками не пробовал... Дозволишь потом прийти, поговорить, посмотреть?

— Ну, приходи, — неласково согласился мастер. — За погляд денег не берём.

Филипп искренне поклонился:

— Бог в помощь, работник.

Филипп уже давно привык скрывать от других, что он ничего не понимает в людях. Старается быть добрым и справедливым — и всё. Ещё истовее Филипп скрывал, что ничего не понимает в Господе — просто верит Христу, как мальчик. А вот в ремёслах он понимал.

Сани Филиппа ехали по улице, а Филипп шагал обочиной и с любопытством озирает чужую работу.

На лубяных дворах громоздились новые срубы, вороха брёвен и досок, кучи щепы и коры. На срубах верхом сидели плотники и тюкали топорами. Слышалось шорканье пил.

Филипп подошёл и пошлёпал ладонью по выпуску венца.

— Откуда такая сосна хорошая? — спросил он.
— Коломенская, — сверху пояснил плотник.
— Как сушили?
— Полный круг — от осени до осени.
— А чем венцы проложили? Мхом? Паклей? Лыком?
— Старыми мочалками и драными бородами, а чем ещё прокладывать? — плотник вогнал топор и уставился на Филиппа. — Ты чего спрашиваешь? Сруб купить хочешь?

Филиппу нравились эти люди — умелые, несговорчивые, хитрые.

— Мне мастерство любопытно, — простодушно пояснил Филипп.

— Всё по правилам сделано, не бойся, — снисходительно и важно сказал плотник. — На Москве живём, не в Спасо-Козлохвостове.

В Кузнечной слободе воевода Иван Колычев за ворот вытаскил из кузницы кузнеца, одетого в кольчугу. Колычев был зол — да сейчас он всегда был зол. Только злость сдерживала смертную тоску. В руке у Колычева блестела сабля.

— А не боишься — саблей полосну? — Колычев потряс кузнеца. — Проверю твою работу?

Сани Филиппа проезжали мимо по улице, а Филипп шагал за санями. Увидев Колычева, Филипп едва не споткнулся.

— Егорыч, помедли, — крикнул Филипп вознице.

Сани остановились. Филипп тоже остановился. Неужели этот детина — его племянник Ванька?.. Колычев

словно почувствовал спиной взгляд Филиппа и оглянулся, отпуская кузнеца.

— Не узнал, Ваня? — робко спросил Филипп.

— Дядя Фёдор?.. — удивился Колычев и вдруг по-мрачнел. — Быстро же ты прискакал, — с ненавистью сказал он.

— Э-э... Ты о чём? — растерялся Филипп.

С саблей в руке, словно собирался рубить, Колычев приблизился к Филиппу, разглядывая лицо дяди.

— Слух прошёл, что государь тебе грамотку написал. На Москву позвал, — испытующе сказал Колычев.

— Ну, было... — недоумённо согласился Филипп. — Что же с того?

Филипп не мог понять, почему племянник не рад ему. Даже наоборот — будто осатанел, встретив.

— Говорили, ты десять лет на Соловках в скиту провёл, — горько сказал Колычев. — Я думал, открестился ты от соблазнов. Видно, мало десять лет.

Колычев со щелчком вогнал саблю в ножны. Всё ему было ясно.

— От каких соблазнов? — глупо переспросил Филипп.

Кузнец, оставленный воеводой, через голову сердито стащил с себя кольчугу, кинул её в снег и ушёл в кузницу.

— Скажи, не знаешь, зачем тебя позвали? — презрительно скривился Колычев. — Вся Москва знает. Митрополит сбежал, государю новый нужен. Вот он о тебе и вспомнил. А ты и рад, стрелой прилетел.

Филипп знал о бегстве митрополита. И допускал, что государь предложит ему митру. Филипп не видел в этом

ничего дурного. Свой же государь зовёт — не Жигимонт. И вера своя. И сам он за своей совестью греха не знает. Отчего не послужить богу и царю?

Но Колычев не ждал ответа. Он отвернулся от Филиппа и пошагал к своему коню, стоявшему у коновязи. Дёргая плечами, Колычев принялся вытаскивать из торока мешок.

— Ты чего, озверел, Ванька? — рассерженно крикнул Филипп в спину племяннику. — Чего мелешь? Двенадцать лет не виделись, а ты!.. — но Филипп оборвал упрёки, пытаясь угадать причины злости Ивана. — С Настей, что ли, нелады? Детки болеют?

Колычев, не взглянув на Филиппа, пошёл к брошенной кольчуге.

— Нету Насти, дядя, — бросил он через плечо. — И деток нету.

Филипп опешил.

— Господь с тобой! — выдохнул он. — Что стряслось? Колычев подбирал кольчугу и засовывал её в мешок.

— Настю опричные снасиловали и задушили, — убийственно-просто пояснил Колычев. — А подворье моё сожгли вместе с детками.

— К-как?.. — обомлев, еле выговорил Филипп.

С мешком, набитым кольчугой, Колычев вернулся к коню и стал привязывать мешок к луке седла.

— Ошибочка вышла, — с издёвкой сказал он. — Государь кромешников к моему соседу послал, а служивые ворота перепутали. Ошибочка — не грех. Со всяким бывает. Вот так, дядя, — Колычев разматывал уздечку